

О том, как едва не стал Мопром, о Москве военного времени и жизни в эвакуации

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1493>

21 ноября 2012

Собеседник

Дервиз Григорий Георгиевич

Ведущий

Споров Дмитрий Борисович

Дата записи

Беседа записана 21 ноября 2012 и опубликована 12 апреля 2013.

Введение

Первая беседа с художником Григорием Георгиевичем Дервизом посвящена семейным историям и довольно обрывочным детским воспоминаниям. В его семье рассказывали, как в 1917 году дед рассказчика Валериан Григорьевич приехал в Москву из семейного имения Домотканово во время октябрьских боев. Вышел из дома в Ильинском переулке и был убит случайным снарядом у Пречистенских ворот. Нашли его спустя два дня неподалеку, в тире Генштаба, где были сложены случайно убитые. После изъятия из семейного дома библиотеки брат отца Григорий Георгиевич поехал в ревком в Тверь, а вернувшись, покончил с собой, выпив сулемы.

Истории старых семей часто хранят память о традиции понимания чести и свободы. Прадед рассказчика, Дмитрий Григорьевич, обер-прокурор Сената и член Госсовета с большим уважением относился к прабабке рассказчика, революционерке. Они хотели счастья своей стране, но по-разному понимали вопрос необходимых преобразований. Также в беседе довоенный быт Москвы, аресты, детские размышления и страхи, начало войны, бардак эвакуации и голод военных лет, одним словом — начало жизни прекрасного художника.

Дмитрий Борисович Споров: Григорий Георгиевич, очень благодарен за то, что Вы согласились и нашли время в нашей афере участвовать. Если сможете, начните с биографического рассказа, скажите, кто были Ваши родители, в какой семье Вы родились?

Григорий Георгиевич Дервиз: Ну, я бы сократил максимально рассказ о том, в какой семье я родился.

Д.С.: По какой причине?

Г.Д.: По какой причине? Вы знаете, мне очень не нравится, такое у меня воспитание, мне не нравится, что стало это очень модно, Вы знаете...

Д.С.: Ну, ведь даже если это не модно, это же все равно важно.

Г.Д.: Важно, но... Сейчас пишут книжки, вот у меня два сына: младший сын археолог по образованию, он очень органично и с большой любовью занимается изысканиями всякими генеалогическими, и Вы знаете, наступает какой-то момент, что вдруг начинают интересоваться... И все это как-то очень легковесно. Ну, вот поэтому. Я вообще не люблю моды. Моду очень не люблю, а я вижу, как люди начинают под влиянием этой моды этим интересоваться — кто, что, как. Я вообще считаю, что надо самому что-то делать, а не изыскивать какие-то красивые или менее красивые формы, легенды. Вы знаете, появились люди такие дотошные, которые с развитием Интернета... у меня нашлись какие то новые...



Владимир Дмитриевич фон Дервиз (1859-1937)

Д.С.: Родственники.

Г.Д.: ...да, новые родственники, где-то в Казани, на юге. И каждую весну я езжу в бывшее поместье, которое купил Владимир Дмитриевич Дервиз, там музей Валентина Александровича Серова, и у нас бывает праздник «Сиреневое Домотканово», вот в прошлом году в «Сиреневое Домотканово» приехали новые родственники, которых я не знал, не знаю до сих пор, но поддерживаю связь теперь. Поэтому, что я могу сказать?

Д.С.: Ну, скажите кратко о маме.

Г.Д.: Я написал эту книжечку, про каталог своего творчества. Попытался подвести итог, вот я там и написал, что мне очень повезло в жизни, я это так сейчас считаю и продолжаю так считать, повезло в жизни, что я родился у своих родителей, в общем, с родителями повезло. Папа у меня был биохимик, профессор и очень скромный человек.

Д.С.: Университетский?

Г.Д.: Он кончал Университет, тогда же не было мединститута, вот как раз я со своим здоровьем пошел, мне говорят: «Идите в первый мединститут, вот там памятник Пирогову». Я, говорю, хорошо знаю этот памятник, потому что, будучи еще дошкольником, я ходил к этому памятнику Пирогову и ждал, когда выйдет из клиники мой папа, потому что он работал в клинике. Мне говорят, что там урологический институт, а я говорю, что тогда там была клиника Кончаловского, клиника Кончаловского Максима Петровича — брата, а я уже тогда интересовался искусством.

Д.С.: Петра Петровича?

Г.Д.: Да, что он брат очень хорошего художника Петра Петровича, поэтому я знал эту клинику, правда теперь там нет ни Максима Петровича, нет этих терапевтов, теперь там урологи. Вот такая штука. Папа был очень скромный человек. Я помню, когда была свадьба Дмитрия Михайловича Шаховского с Марьей Владимировной Фаворской, папа пришел на эту свадьбу и одел [Орден Ленина], Маша очень удивилась, сказала: «О, у дяди Юры, оказывается, Орден Ленина есть, я никогда не знала!» Ну, значит, оказалось, что папе все-таки дали в Академии, в медакадемию его выдвигали, он собирал эти бумажки, после двух раз, значит...

Д.С.: Дали?

Г.Д.: Нет, в третий раз он сказал: «Я собирать бумажки больше не буду, вы меня ради Бога больше не выдвигайте!» Ну, это понятно, папа не был в партии, я тоже не был в партии. У моего сына в Университете, он биофак кончал, старший сын, ему один биолог сказал: «Ты, Дима, давай заявление в партию, мы тебя оставим, ты будешь секретарь комсомольской организации, но в партии». А сын так помялся... Тогда он говорит: «Ты необязательно сейчас давай ответ, ты посоветуйся». Он тоже знал, что я многих биологов знаю, просто по жизни, я это называю по жизни. «Ты поговори с отцом». Ну, Митя пришел...

Д.С.: Митя?

Г.Д.: Да, Митя, Димитрий, но мы его Митей зовем. Он пришел, говорит: «Пап, в партию предлагают, как ты думаешь? Ну тогда я буду на биофаке..». Я говорю: «Это дело такое, ты должен сам решать, потому что это имеет всякие последствия». А моя жена, она биолог, женщина она более эмоциональна, более определенная, менее дипломатичная, она, конечно, сказала: «Митька, если с этого начинать жизнь, то ничего хорошего в этом нет», резко отрицательно сказала. После этого прошло некоторое время, я встретил сына и говорю: «Ну, как? Чем решилась твоя проблема?» — «Да, — говорит, — он меня не спрашивал, а я не отвечал». Но он потом его встретил и сказал: «Ну, что, говорил с отцом? Как?» Митька сказал: «Да, конечно, говорил, Вы знаете, до сих пор на стул сесть не могу!» (*смеется*) «А, ну тогда понятно». Больше разговора не было. Вы понимаете, какая штука, у меня резко отрицательное к этому было отношение, и у мамы было резко отрицательное отношение к этому, и главное, что мама очень боялась за папу.

Д.С.: А какими проблемами занимался папа как биолог? Биохимик?

Г.Д.: Он был биохимиком, а перед войной он был в институте Обухова профзаболеваниями, в основном, [занимался], ну и Кончаловского консультировал, лабораторию делал, а потом перед войной перешел в Институт переливания крови.

Д.С.: Богдановский?

Г.Д.: Да, там был Багдасаров у них директором, по-моему. Во время войны ведь этот институт разбили, мы сами разбили, потому что был такой момент: неизвестно, сдавать Москву – не сдавать, возьмут – не возьмут. Папа был в институте, был тут как раз 16 октября, и его мама, бабушка была здесь. Ее портрет сейчас сняли с экспозиции в Русском музее. Я очень огорчился, я был в Ленинграде, в Петербурге теперь. Бабушка у меня была полностью глухая, совсем, я научился сначала говорить на азбуке глухонемых, а потом уже... Мама боялась, потому что она ходила на работу, она была тоже медик, а я сидел с бабушкой, и мама говорила, что надо ей уходить с работы, потому что я останусь немой, потому что не хочу говорить, ленюсь.

Д.С.: А бабушка с рождения была глухая?

Г.Д.: Нет, она лет в 16 болела скарлатиной и после ...

Д.С.: Как осложнение.



Надежда Яковлевна Симонович-фон-Дервиз, жена Владимира Дмитриевича

Г.Д.: Да, осложнение. И вот 16 октября папа говорил, что если немцы придут, он будет здесь, вообще, он окажется по разные стороны фронта со мной, с сестрой и с мамой. Мы в это время уже доплыли и доехали до... даже не в Кыштым мы попали, а на озеро Увельды, замечательное озеро, между Челябинском и Свердловском, ближе к Челябинску, в переводе с татарского это — «голубая жемчужина». Говорят, там и сейчас какой-то санаторий, не знаю. На берегу этого озера был туберкулезный санаторий, и на базе этого туберкулезного санатория (его уничтожили санаторий, ликвидировали) сделали эвакогоспиталь, и мама работала в этом эвакогоспитале. Я тогда был в ближайшей татарской деревне, больше 10 км, поэтому я не учился. Это был замечательный для меня год! Ребята научили меня ловить зайцев металлическими петлями, и вообще была не жизнь, а лафа.

” На берегу этого озера было два двухэтажных деревянных корпуса, больницы, своя электростанция, которую топили дровами и днем, и ночью. Электростанцию топили дровами и возили (спаренные были сани-лошади), возили все время дрова, дрова, дрова и их жгли.

Кроме того, была столовая, была кухня, была электростанция, была своя пекарня, все у нас было свое. Было два двухэтажных [дома] барачного типа для медперсонала и вообще для всей obsługi. Потом была дезокамера, вшибойка и все как полагается. А за, примерно, 2 км от этого санатория, по лесу надо было пройти, там была дача на берегу озера, не знаю, секретарь обкома он до того был... в общем, в начале войны его ликвидировали, или он сам ликвидировался, не знаю. Дача было пустая, это была роскошная деревянная дача двухэтажная, был такой лесопарк разбит, свой пирс. Мы, конечно, нашли ход через котельную, прошли в эту дачу (*смеются*), на даче были ковры, головы лосей и кабанов, чучела, в сервантах стояла...

Д.С.: Понятно, в общем, местный царек.

Г.Д.: Да, это да.

Д.С.: Григорий Георгиевич, я очень хочу все-таки немножко назад вас вернуть, расскажите о семье папы и о семье мамы, кто они, поподробнее, хоть вы и сказали мельком, но все-таки Дервизы — фамилия очень известная.

Г.Д.: Ну вот, теперь увлеклись: «Дервизы!» Вот у меня один из родственников в 1914 году сменил фамилию Дервиз на Лугового. Дервиз — это Луговой или Лужков, или как угодно. Полянка какая-то, в переводе. Это немецкого происхождения фамилия, ну, дворянская фамилия.

Д.С.: Когда приехали ваши родственники в Россию, известно?

Г.Д.: По легенде, по легенде... известно, конечно, это все в книжках написано, приехали при Екатерине с Петром III, они приехали, голштинцы они были. По истории известно, что Петра III ухайдокали, один Дервиз обиделся и уехал, это я так говорю, что обиделся, никто не знает, а другой Дервиз остался...

Д.С.: И это ваш предок?

Г.Д.: И вот пошли Дервизы. Потом, детей бывало много раньше, по пять, по шесть.

Д.С.: Военные все были?

Г.Д.: Да нет, хотя был один военный, с Суворовым даже куда-то ходил. Все вроде тогда военные были. А потом тогда в Германии кто-то там священники были.

Д.С.: Просто интересно, ваш отец ученый — это уже традиция семейная была или нет?

Г.Д.: Юридическая, по-видимому, была, потому что юридическая служба при Екатерине — вот это Дервизы пошли.

Д.С.: Понятно, а судьба папы после революции? И вообще семьи Дервизов?

Г.Д.: Ну какая судьба...

Д.С.: Отец у вас какого года рождения?

Г.Д.: Он был 1897-го, по-моему.

Д.С.: Ну он совсем молодым человеком был тогда!

Г.Д.: Он поступал в Университет, когдастряслась, как бабушка глухая говорила: «Это, Гриша, было до того, как *стряслась* Великая Октябрьская революция». Папа как раз поступал, и брат его поступал на математический, очень был способный математик, но он не пережил революцию. Понимаете, я очень хорошо понимаю, что значит смена социального строя, у нас произошла очень мирная смена социального строя.



Дмитрий Григорьевич фон Дервиз

Д.С.: В 1991-м вы имеете в виду?

Г.Д.: Да. Конечно, коммунизм и социализм, ну реальный какой социализм у нас был? Был или не был, никто не знает, ну, планово-социальное направленное хозяйство, значит...

Д.С.: А в 1917-м году...

Г.Д.: Там, это было более резко, более грубо. И так как наше поколение, вот я считаю, наше поколение — довольно потерянное поколение, то есть как потерянное: мы сложились совсем, и наше мировоззрение совсем другое, чем...

Д.С.: Чем отцовское?

Г.Д.: Чем теперешнее, и чем до того (*смеется*). Понимаете, и наши дети, которые до переломки, смены социального строя, получили образование в университете (оба моих сына), они все-таки еще нашего мироощущения, а вот это интересно, я всегда думаю, где...

Д.С.: Грань.

Г.Д.: ...да, грань. Как происходит смена? Потому что одно дело — законом написать, ну расстрелять там несколько тысяч человек, и это все понятно. А ведь должна произойти историческая смена. Кроме физического, есть еще и психическая, есть моральное ощущение, вот у нас, я считаю, внуки, более или менее ...

Д.С.: Другие.

Г.Д.: ...другие. Дети — они все-таки, получившие образование еще до рыночной ...

Д.С.: Революции.

Г.Д.: ...экономического взаимоотношения, они еще наши. Ну что папа, папа сдал с большим трудом. Как-то люди вообще приспособляются, физически приспособляются, потому что был очень тяжелый момент: папа поступал, заболел, испанка у него была, потом воспаление легких. Жили они вообще, когда он стал поступать в Университет, они арендовали квартиру в Ильинском переулке (теперь это Обыденский), во 2-м Обыденском переулке, и у Маши Фаворской дедушка тоже в этом же доме арендовал квартиру для своих детей, тоже Митя был, и Леля, и Марья Владимировна — мама Маши Фаворской. А папа всегда жил в Домотканово, вот куда мы ездим, и дедушка там жил...

Д.С.: Ну, это имя просто?

Г.Д.: Да, они купили. Дело в том, что Владимир Дмитриевич — прямой машин дедушка, брат моего дедушки, машин был старше, мой младше.

Д.С.: Шаховской? Какой Владимир Дмитриевич, какой фамилии?

Г.Д.: Дервиз, Владимир Дмитриевич Дервиз, тут есть фотографии. Дедушка повез сюда какие-то продукты и как раз попал, в этот день была перестрелка, в Москве были бои.

Д.С.: То есть октябрьские?

Г.Д.: Да, октябрьские, ну так как они были в Обыденском переулке, юнкера сидели в стасовских складах на Крымской площади. Наши должны были выбивать их как раз от Храма Христа Спасителя... Тут были Арбатские переулки, было жарко, но дедушка этого ничего не понимал, он приехал вечером, по Садовому кольцу пешком пришел в Обыденский переулок, а вещи оставил на вокзале, потому что ничего не ходило.



В.А. Серов. Н.Я. Дервиз с ребенком. 1888 год

С: Она тоже Дервиз?

Д: Она была Симонович, ее фамилия, она была мать жены Дервиз. Ну, когда он приехал из Твери, там примерно 12 км до Твери, приехал очень грустный, подавленный. На второй день он выпил большую порцию сулемы, потому что дедушка держал сулему для дезинфекции всякой, но другого ничего не было, и Гриша, таким образом, сжег всё. Три дня мучительно умирал и умер. Тогда поехали в Москву к бабушке, а бабушка сидела со старшим сыном, он болел, так что бабушка даже на похороны не попала. Ну а Гришу там похоронили в ту же могилу, где жена Владимира Дмитриевича – Надежда, которой портрет Серова в Третьяковке, где она с ребенком на руках. Этот портрет написан на железе, и никто не задумывается, почему не на холсте, а на железе? А история была такая: в это время мой дед Валерьян строил дом, одноэтажный собственный дом, и ему принесли покрыть...

С: Железо.

Д: ...железо. Железо было толстое, по-моему, лет 80 или 90 его даже не красили. Оно стояло, потом его покрыли новым железом, которое уже проржавело (*смеется*). Да, были большие толстые листы. А Серов Валентин приезжал к ним всегда, к тому же он был двоюродный брат и у него никакой дачи, ничего загородного не было.

С: А двоюродный брат, это как?

Д: По бабушке, и по жене Симонович, там было три сестры, они были даже не Симонович, Симонович – это по мужу прабабушки, а они были Бергманы, у матери их была [фамилия] Гудзон. Вообще, когда меня спрашивают: «кто ты?», я говорю, счастливые люди, вот у меня жена – еврейка, так она еврейка. Вот Алка всегда так говорит: «Я полноправная – и папа, и мама». В свое время они еще родились когда была зона

оседлости, поэтому всё. А я вообще не знаю кто я, я русский, потому что все русские почти...

С: Конечно.

Д: Вот, таким образом, получилось, так что сразу Гриша отравился, деда убили, тут спасло то, что папа уже на первом курсе был в медицинском. К ним пришли, сказали, что кто хочет, может (с работой же трудно было, вообще революция – это жесткая жизнь), что кто хочет из этих студентов, госпиталь организуется, значит, поехать санитарями и...

С: Врачами, наверное, фельдшерами?

Д: Ну какие они врачи? Только перевязки могут делать. Ну вот папа с бабушкой поехали в госпиталь, и это их спасло. Потом они через некоторое время приехали. Папа кончил, у него хороший учитель был – Гулевич, вот этот Северин Сергей Евгеньевич с папой кончали, и Гулевич их взял, они были его учениками. Потом Балдо такой был, и папа стал медиком, вот такая история.

А с мамой сложнее, сложнее, почему? Потому что из-за того, что Дервиз – какая-то странная фамилия, обращают внимание. Серов стал знаменитым художником и как-то это, кроме того старшее поколение, не наше поколение, а родительское поколение, в Москве знали фамилию Дервизов, потому что орган большой Дервизы подарили.

С: Куда подарили, в консерваторию?

Д: В консерваторию, большой орган консерваторский, это Сергей, еще другой брат прадеда, как теперь бы сказали, он был магнат железнодорожный, но это другая история. Он правовед тоже был, Дервизы все кончали правоведение, потому что, ну на казенный счет, потому что не было отца, он скончался, ну в общем, тот Дервиз был очень талантливый, очень энергичный. Он был Павел Григорьевич, мой Дмитрий Григорьевич. Он кончил с золотой медалью правоведение, и он решил, что надо строить железные дороги. И вот он добился займа (тогда только первые начались акционерные общества), и он сделал одно общество, где он вступил. Оно развалилось более или менее, и он собрал другое и провел железную дорогу на юг от Москвы, на Козлов, потом на Курск, а из Курска на Киев. Привлек к этому, что ему удалось, он привлек иностранный капитал, и тогда он нашел и вступил в содружество с фон Мекком.

С: Это очень известный железнодорожный...

Д: Ну да, фон Дервиз с фон Мекком, когда фон Мекк хотел продолжать с ним деятельность, Павел отказался, потому что у него умирали дети, он плюнул на все железнодорожье, сказал, что все бросит. Он стал миллионером, и вот поэтому Дервизов знали, потому что они были богаты.

С: Ну это Вы сказали применительно к тому, что мама?

Д: Это нет, это что Дервизы. Поэтому их знали, у них было столько денег, что они построили в Ницце дворец, в Лугани дворец, здесь гимназию, и многие (интеллигенция родительского поколения), многие знали эту гимназию.

С: Какая это, где она?

Д: Она на Гороховой улице, около Курского вокзала, не доходя до школы Андрияки на другой стороне. Это здание – теперь там 10-летка школа. Все искали, кто знаменитый в этой школе учился, у нас обязательно надо найти знаменитость.

С: Еще имени сделать!

Д: Да, там Цветаева, но она ушла, ей не понравилось, Марина Цветаева. Ну в общем, поэтому Дервизами занимаются и знают. Но поэтому мама очень боялась за папу, потому что, Вы знаете, у меня был товарищ почвовед – Юрка Гельцер, его брат уже после войны сразу, просто за фамилию Гельцер его арестовали, понимаете. Вообще, надо сказать что, фамилия, она в общем, осложняла жизнь. Я помню, когда не прошел по конкурсу и пошел с этими отметками в пединститут подавать документы, там какая-то

пожилая женщина из отдела кадров... Мы подаем документы, эти экзаменационные листы оттуда, из того института, в который мы поступали. А со мной одноклассник, Юрка Злотников его знает, такой был Сашка Бер-Сытин, фамилия его Бер и Сытин, мама – Сытина. И в этой квартире, куда я к нему ходил, теперь музей Сытина.



И утром он сказал, что пойдет, принесет продукты. Ему говорили, что стреляют, не надо ходить, а бабушка моя глухая ничего не слышала. И он все таки решил пойти, и как только вышел к Пречистенским воротам (теперь это от Храма Христа Спасителя с Остоженки), он вышел, так и непонятно: то ли разрывная пуля, то ли какой-то осколок, откуда он прилетел...

В общем, ему снесло половину головы, череп ему снесло, он сразу умер. Потом его три дня искали. Нашли его где теперь генеральный штаб в Алексеевском училище, там в тире сложили погибших, таким образом удалось его похоронить.

А брат папин младший, который математик, он был там в Домотканово. Он очень любил Домотканово, потому что там история была такая, что Владимир Дмитриевич Дервиз — машин прямой дедушка — он кончил институт, не институт, а училище правоведения и решил еще поступать в Академию художеств. Учился, по-моему, два года и решил жениться, но тогда женились не так как теперь женятся, приходят: вот, моя жена и «здрате, я ваша тетя» (*смеются*). Тогда, он сам считал, что надо же на что-то существовать, вообще как, ну он правоведа, кроме того, художник. Ну художникам зарабатывать сложно тогда было, и он решил, а тогда было интересное очень время, историческое время земства! И он решил, что он будет в земстве служить. Моя глухая бабушка делала различия: работать и служить. Бабушка никогда не говорила «зарплату получать», она говорила «получать *жалование*» — это очень интересно. Вот поляки молодцы у них есть два слова: «процевать» и есть «робить», служить — это процевать, а робить — это работать. Владимир Дмитриевич решил, что будет в земстве служить, в земстве служить — на это жить. Но было очень умно сделано, это только так считается, что все было при царе глупо. Нет, было умно, потому что, кроме царя там были и умные люди. А в это время Владимир Дмитриевич-то в земство хотел, а мой дедушка Валериан, он математический кончал в Университете, а их отец был член Государственного Совета и тоже был правоведа, и был главным прокурором Сената — это когда рассматриваются дела арбитражные, всякие вопросы. И, значит, был такой закон, что можно было в земстве баллотироваться на председателя Управы, надо было иметь земельный ценз, причем, надо иметь земельный ценз именно в этой области.

Д.С.: Губернии.

Г.Д.: Губернии. Поэтому Владимир Дмитриевич у прадеда, который был умный человек, прокурор, у него было пятеро детей, он сказал: «Ну что же они будут ждать, когда я умру? Если надо, я всем разделю и каждому отдам свою долю, и вы распоряжайтесь этой долей, как хотите». И он дал Владимиру Дмитриевичу денег, и он купил имение Домотканово. Причем как он купил, он сначала считал, что имение должно приносить прибыль, не просто дача, на которой жить, а стал смотреть имение на юг от Москвы, ну Орловская, Тульская. А до того его, как сказать это, теща была знакома с Верещагиными. Верещагины — один брат был художником.

Д.С.: Самый известный.

Г.Д.: Второй брат был земский... Не то, что он деятель, у него такая идея была, что в России на севере и в центральной России надо развивать молочное хозяйство, скотоводство. Он поехал в Швейцарию, изучал в Швейцарии все рецепты сыроварения. Оказывается, в России в конце 19-го века у нас творог умели делать, а сыр, в общем, не умели делать. Он арендовал землю у барона Корфа, где потом было охотничье хозяйство дипломатов на Волге — Едимоново, где Завидово, где у Брежнева было хозяйство,

где мы, художники, делали плавательный бассейн Брежневу. Вообще, в жизни ужасно смешная вещь, ну какая смешная, скажем, прадед был прокурором Сената и членом Государственного Совета, а прабабушка со стороны папы, со стороны жены, она была если не «народная воля», то где-то рядом с этим (*смеется*). Но относились они друг к другу с очень большим уважением, потому что и те, и другие по-своему делали так сказать, дело.

Д.С.: По-своему понимали честь, да?

Г.Д.: Да, для России, каждый делал со своей точки зрения пользу России. Ну вот. А в этот момент, у Владимира Дмитриевича был сын, тоже Митя...

Д.С.: Это ваше семейное имя, да?

Г.Д.: Да, Митя был. Владимир Дмитриевич в Домотканово не был, а Митя там был, и папин брат, его звали Гриша, был там. В это время Митю взяли в общество крестьян, было общество крестьянское...

Д.С.: Община?

Г.Д.: Да, община, принимала. Наделили его землей, как полагалось в общине, а в это время приехали туда революционные деятели из Москвы. Пришли в негодование, как так приняли и землю дали помещику? Пришли в дом, где как раз сейчас музей Серова, в этот дом моего дедушки, у них было у Владимира Дмитриевича и Валериана два дома рядом. Причем, мой дед арендовал у Владимира Дмитриевича на 99 лет (*смеется*). Почему так — для меня загадка, но арендовал десятину и поставил там дом. Ну вот пришли и забрали. А у Гриши там были литература математическая и на французском языке, и на немецком языке, бинокль, подзорная труба, он наблюдал, телескоп небольшой был, наблюдение вел дедушка. Унесли все и книжки не на русском языке тоже увезли. После этого Гриша поехал в Тверь, в революционный комитет, чего он там говорил, как говорил... А прабабушка, которая была чуть ли не «народная воля», она жила в это время в Домотканово, прабабушка, вот.



Свадьба М.В. Дервиз с В.А. Фаворским. 30 ноября 1912 года

Д.С.: Сытинский, издателя Сытина?

Г.Д.: Издателя, да. Мама Сытина, а папа, оказывается, был Константиновский, но его расстреляли, и его [Александра Бер-Сытина — прим. ред.] усыновил Бер, Андрей Бер. Сашка к этому Беру — в чужом пиру похмелье, не имел никакого отношения. Но когда он подает документы, значит, там Сашка Бер, и эта женщина говорит: «Что это вы подаете? Вообще, кто вы такие? Один подает — Бер, второй — Дервиз!» Сашка, а он такой фундаментальный человек, до сих пор учит детей в школе слаломистов, а сам доктор-геолог. Вот Сашка начинает: «А вы знаете, Бер по-немецки — „медведь“, это немецкая фамилия». А я думаю, ну что Сашка объясняет, зачем? (смеется) «А вы что?» — она говорит, а я говорю, что мне досталась такая. Я, говорю, не выбирал, меня не спрашивали. Так что настороженно, настороженно относились. Вы знаете, до войны как-то этого не было, вот начиная с войны... Но там было другое, там было, что миллионеры, тут было, что немецкое. Потом пошло: у нас же в России дело врачей, значит, и потом немецкое, а может, еврейское, пошла еврейская волна. В общем, конечно лучше в России иметь фамилию Иванов. Но, у мамы там были фамилии Потехин, Соколов, Щепотьев — вот это фамилии были. А мама очень боялась за папу... Кроме того был Потехин, какой-то этот сменовеховец, еще там кто-то, в общем, о маминых корнях я не знаю, потому что мама упорно, упорно...

Г.Д.: Молчала?

Г.Д.: Да, говорила, что это не имеет никакого значения. Но вообще, мама у меня была замечательная.

” Даже такая существует легенда, что мама хотела меня назвать Мопр, имя такое дать, потому что в это время была активистом МОПРа.

Д.С.: Расшифруйте (смеется).

Г.Д.: Международное общество революции.

Д.С.: Пролетарской революции, видимо?

Г.Д.: Да.

Д.С.: Ну раз МОПР.

Г.Д.: Да, Международное общество помощи революции.

Д.С.: А, помощи революции!

Г.Д.: Да, помощи революции. У них даже было, когда они там писали борцам революции, была марка. Я помню свое раннее детство, марки наклеивали, там была решетка тюремная, и через решетку рука с красной... вроде галстук или кусок материи. Вот, мама хотела меня Мопром назвать, но бабушка, которая глухая, сказала: «Любым именем, но человеческим». Но я жалею, я бы хотел быть Мопром, правда моим детям было бы плохо, потому что они были бы Мопровичами. Мопровичи, конечно, немножко хуже, чем Мопр, а Мопр — это бы соответствовало эпохе.

Д.С.: Мопр Дервиз, это сильно! (смеются)

Г.Д.: Вот такое было дело... Ну, у мамы были военные, потому что Потехины все были из потешных...

Д.С.: А, вот так вот!

Г.Д.: Ну да, это фамилия была, они были дворяне, Щепотьевы тоже были. Они были в Москве, у них были тут дома какие-то. Я в книжке князей Хованских, они покупали в Москве у Щепотьевых землю... в общем, это неважно. Ну, мама, надо сказать, в общем, мы как-то прожили, ни разу не подвергся папа никаким экзекуциям.

Д.С.: За счет чего?

Г.Д.: За счет чего, за счет того, что папа, я считаю, папа абсолютно не интересовался, он был не конъюнктурный, он абсолютно политикой, конечно, не интересовался, никаких карьерных моментов в его научной и прочей деятельности не было. К сожалению, я должен сказать, что люди, ну такие бандерлоги (*смеется*), ужасно завидуют и все царапаются по лестнице куда-то вверх, но и подпилить лестницу, чтобы кто-нибудь свалился вовремя, это очень уважают, любят. Так как папа никуда не лез и мама, ему только все время говорила: «...чтобы на тебя не обращали внимания». Вот за счет этого он прожил нормально, был очень честный человек. Мама была очень эмоциональная, но тоже очень честный человек. Меня они на это настроили, что самое главное — быть честным человеком и особенно никуда не лезть, я так и делаю.

Д.С.: А как они познакомились?

Г.Д.: Познакомились? Мама жила на юге, она жила в Ростове-на-Дону.

Начало войны. Эвакуация

Д.С.: Они не московские?

Г.Д.: Мама не московская, папа был московский, в Твери, в Петербурге, в Москве, а мама — она была в Короче, я знаю, в Короче была, в Ростове, в Курске, они из этих районов. Вот, ну что вам еще рассказать? Это про родителей, а во время войны папа, когда его институт разбили, получилось очень занятно, он сказал бабушке, что надо соединяться, но бабушка сказала, что она никуда из Москвы не поедет и умрет в нашей квартире, на Зубовской площади, дом такой 16–18–20 выстроили на...

Д.С.: По внешней стороне, да?

Г.Д.: По центральной, это второй дом от угла, там такой палисадник.

Д.С.: А в каком это было районе? Это Пречистенка?

Г.Д.: От Кропоткинской.

Д.С.: От Остоженки, да?

Г.Д.: От Пречистенки, угловой дом, там теперь какая-то местная промышленность, легкая промышленность, министерство. Этот дом выиграл хозяин «Красной розы», фабрики, в карты.

Д.С.: А это правый дом, если из центра идти, справа?

Г.Д.: Если из центра по Кропоткинской, то слева.

Д.С.: А слева, и ваш в ту сторону, к Зубовской?

Г.Д.: Второй дом к Крымской, потом там был дом надстройка, потом были там одноэтажные дома, и там теперь построили этот центр, не торговый, а этот... АПНовский ?

Д.С.: А, новости, «РИА новости».



Г.Г. Дервиз с мамой, папой и сестрой Таней. 1936 год

Г.Д.: Большущий дом, а дальше уже склады. Тогда папа сказал, что «ты остаешься, а я поеду». А на Садовом кольце стояли сплошь машины и медленно, как у нас во время затора, двигались скачками, ну папа взял рюкзак и спросил машину: «Куда?» — «В Нижний Новгород, в Горький», и папа говорит: «Возьмете?» — «Садись». Была там семья какая-то, на грузовике, бочка 200 литров бензина, и папа тоже туда залез. И они пошли скачками, время от времени они стояли, ну влезал шофер, и хозяин этого семейства, по-видимому, давал шоферу выпить. Шофер, так как он стоял очень много, он много выпил, и как раз там было КПП, потом пропуска проверяли при въезде в Москву, на шоссе Энтузиастов, там, где лесопарк на Измайловской (потом там поставили Ленина и Сталина скульптуры большие). Значит, в этом месте шофер вышел из строя, и машина свалилась в кювет, к счастью, бочка никого не придавила. Папа говорил так, по шоссе двигались машины и все в основном двигались в сторону Горького, по Владимирке, а по обочине там парк: шли люди, и несли, везли в каких-то тележках, кто велосипедом — бегство из Москвы было. Ну, папа, когда увидел, что шофер спит, бочка лежит и всё, он пошел пешком и как раз там, в Новогиреево, там дом Фаворских и Ефимовых был. Первый раз я в этот дом в 1939 году в гости приехал с родителями, и папа пришел к ним ночью. Они удивились, ну что же, он там переночевал, утром пошел пешком в Москву, потому что ничего, конечно, не ходило. Пришел к себе в институт, а их Институт переливания крови перед войной прямо уже дали здание с такими эркерами на Садовом кольце, и у него там лаборатория как раз в эркере.

Д.С.: А это где? Не там где улица Обуха, нет?

Г.Д.: Это на Садовом где-то, на Новинском бульваре.

Д.С.: А! Ага.

Г.Д.: Да, и когда он пришел в лабораторию, то увидел что все там разбито, вся аппаратура, и туда таскают мешки с песком, и закладывают эркер этот, и устраивают пулеметное гнездо, чтобы простреливать по Садовому кольцу. Но папу оттуда выгнали, потому что он возмутился, что солдаты разбили все, всю аппаратуру. Папа говорил, неделю, примерно, никого не было, директора не было, было безвременье полное. Через несколько дней, значит, он в министерство. В министерстве тоже никто ничего не понимает, не знает, но тут собрали в министерстве и надо решать: фактически Институт переливания крови разбит, а кровь нужна, проблема самая нужная. И тогда решили, что [надо] сделать в Свердловске, центральный институт переливания крови на базе областной больницы. Там большая на краю Свердловска постройка, недавно построенная большая областная больница, и ее отдали под институт, ну и тогда, значит, специалисты по каждой отрасли института командировали в Свердловск, для того чтобы из этой больницы областной сделать специализированную. Причем, это был уже ноябрь, морозы уже тогда серьезные были, и был состав, командировочные ехали в своем составе. Состав был составлен из метро-вагонов, составы метро пустили по железной дороге, и все сидели вот так (*показывает*). Но тогда же были хорошие сиденья, кожаные, все сидели, а кто больные, не могли сидеть, их клали там где двери, в этом месте на полу клали этих больных.

Ну, он приехал в Свердловск, а мы были в этом госпитале на озере Увельды, вот это было интересно, мы совершили путешествие гораздо интереснее. Папа в метровагоне приехал, он сначала жил там в лаборатории, там дали комнату, они оборудовали ее, и там жили на походном состоянии. Потом ему дали недалеко, в деревянном одноэтажном доме, уплотняли всех, дали комнату за печкой, очень колоритную, такая вещь, ну просто замечательно. Он когда получил комнату, и когда разгребли они, наладились, он приехал за нами на это озеро, и мы вместе с ранеными (туда на розвальнях привозили раненых и вывозили), мы с ранеными на розвальнях уехали. Сначала оттуда едешь до Свердловска, надо было ехать на местном поезде, а там у нас получилось так, что ведь все врачи военнообязанные, и когда начиналась финская кампания, то маму мобилизовали. А у мамы была очень сильная кожная болезнь — псориаз, особенно когда она нервничала, она покрывалась такой коркой, когда она приходила на медкомиссию, то врачи пугались (*смеется*). Вот ее демобилизовали, комиссовали, а перед этим в Москве был приказ детей вывозить. А в Москве были дворники, у нас был замечательный дворник Гаврила, он уже и после войны был, здоровенный такой из деревни, жил в подвале. Этот Гаврила был друг наш потом, после войны уже, когда я в институте учился, он говорил моей маме: «Константиновна, чего там происходит? Ты имей в виду, Гришей что-то милиция интересуется». У них у всех были номера, в торжественных случаях они в белых фартуках должны были около дома дежурить, и он все доносил, и нам рассказывал, кто чем интересуется. Вот у нас в подъезде такого Гринберга историка арестовали, мой товарищ был его внук, он утопился в Москве-реке.

Д.С.: Это связанные события?

Г.Д.: Ну, конечно, он мне сказал: «Ты знаешь, мне бы такую собаку большую завести», он чувствовал себя полностью беззащитным.

Д.С.: Внук?

Г.Д.: Да, вот, например, когда моего папу пригласили в... ну не знаю НКВД или КГБ уже был, понимаете, он с двумя ушел, а вот я вышел и думаю, ну куда пойти? Рядом милиция, туда обратиться нельзя.

Д.С.: То есть его забрали?

Г.Д.: Ну он пришел через некоторое время, ему сказали, «не говорить куда водили».

Д.С.: Чей папа — ваш или Гринберга?

Д.: Мой, мой, но я, конечно, сказал, я же понимал, что особенно трепаться не надо, зайцы трепаться

не любят, но я знал.



В живописной мастерской МСХШ: Боря Карпов, Юра Злотников, Гриша Дервиз, Э. Вайсман, Гена Михлин, Володя Федорович

Д.С.: А за что? Почему его взяли?

Г.Д.: Ну как? Мое даже поколение, все, когда кончали институт, всех почти приглашали работать в органы.

Д.С.: Ну и сейчас так же, меня приглашали. Всех, кто заканчивает высшее учебное заведение, мальчиков, всем обязательно звонят, приглашают.

Г.Д.: Я думал, что у вас эта мода уже кончилась.

Д.С.: Нет, эта мода у нас самая стабильная, постоянная.

Г.Д.: Ну вот, видите ничего не меняется.

Д.С.: Ну так папу пригласили почему?

Г.Д.: Ну почему? Потому что интересовались, хотели тоже, чтобы он помогал.

Д.С.: Ну так папа был уже ученый.

Г.Д.: И все равно, а что же ученых не надо?

Д.С.: Нет, нет, понятно (*смеется*).

Г.Д.: Понимаете, когда чувствуешь полную свою беспомощность, а что я видел, как на Крымской площади прямо на улице арестовывали, какой-то человек возмутился, потому что он вытащил пистолет, бил рукояткой по голове. А милиция, у нас была с заднего хода. И этот человек пошел, как свидетель, чтобы выручать этого человека, которого арестовывали. И я пошел, конечно, я тоже считал, что подтверждаю, что это незаконно. И у нас такой узкий проход темный, черный двор, между первым домом по Зубовскому бульвару и вторым проход.

” И вот в этом проходе, этот самый с пистолетом скомандовал: «Кругом марш!», чтобы мы ушли. И вот подходит и говорит: «Кругом марш!» Я так подумал, поворачиваться или нет, нет, не повернул, и мы пошли в милицию. Эти вдвоем прошли, пропустили этого человека, который, как свидетель пошел, а меня, конечно, мальчишку не пустили. Я решил, подожду этого человека. Сколько я ни ходил, ни ждал, он так и не вышел.

Д.С.: Вы знаете, кто это был, нет?

Г.Д.: Нет. Вообще жизнь, она учит, поэтому, когда меня агитировали, то я отказался.

Д.С.: У вас хорошая была картинка перед глазами.

Г.Д.: Ну, много картинок было, знаете, много! А у нас, значит, как получилось, что дворники знали всех детей, которые живут в доме и докладывали в милицию, в Москве эти дети или нет. Должны были эти дети, если они в Москве, то их вывозили в интернаты, вроде пионерлагеря. Мама очень не хотела, чтобы нас с сестрой куда-нибудь увезли, но это правильно, потому что потом по радио разыскивали таких увезенных детей. Тогда не соображали, и иногда везли куда-нибудь на Украину, а потом оттуда на Восток. Поэтому мама ушла, когда ее комиссовали, она ушла, сначала она работала, а нас спрятала, там, где мы летом снимали под Звенигородом в деревнях дачи, уже были знакомые. Маму в деревне знали, потому что, когда она жила на даче, она всех лечила, кого могла. Она нас отправила в деревню, потом к знакомым по казанской дороге, тоже на какое-то время нас спрятали, чтобы мы не были в городе, чтобы нас не забрали, но это уже было после того, как началась война. Немцы прилетали как по расписанию, у нас были воздушные тревоги, мы точно знали — без десяти десять. Мы гуляли во дворе, и без десяти десять мы шли домой, потому что должна была начаться воздушная тревога. Однажды, так получилось, у меня один товарищ жил на седьмом этаже, другой на третьем этаже, Едунов, его папа был военный. Они въехали в квартиру арестованных, у нас было три квартиры арестованных в нашем подъезде. И вот началась тревога, и мы с этим Юркой, с Таней — моей сестрой — побежали в лифт. Я пешком, конечно, побежал бы, но ему на седьмой этаж. Сели в лифт и между вторым и третьим этажом выключили электричество, лифт встал. И вот такая картина, значит, его кто-то из родителей, моя мама спускаются, а мы в лифте, Юрка плакать начинает, мне интересно. Мы сидим в лифте, а мы маленькие, достать не можем, никого найти не могут, кто бы...

Д.С.: Подсобил.

Г.Д.: Кто-то на крышу полез, но потом кого-то нашли, открыли дверь, нас оттуда извлекли. Было очень красиво, когда мы вышли, там красивые щипули. Я говорю, что мы не пойдем, а были же котельные, в каждом доме своя котельная, но потом недели через две пришла комиссия, сказали что ни в коем случае, опечатать эту котельную, потому что если где-то упадет, бомба рядом, то наш дом завалится, и это все. А в это время у нас на Зубовской были деревянные одноэтажные домики, а их снесли, и поэтому наш дом, он вот такой. А тут разбит такой сад, в него деревья пересаживали из бульваров, ведь были у нас бульвары. А к нам пересаживали из Смоленского, на Смоленском бульваре были плохие деревья, а у нас хорошие, липовые. Вот, значит, одноэтажные домики, и было печное отопление, и были дровяные сараи.

И как начались первые бомбежки, в первую или во вторую тревогу сгорели все керосиновые лавки.

В Москве были керосиновые лавки, где стояли очереди, все ходили с бидонами и набирали керосин, причем в керосиновой лавке, все вокруг и сама керосиновая лавка было пропитано керосином (*смеются*). Все это лилось, и все черпали, как молоко, и из бочки открывали. Все было керосиновое, полыхало замечательно. Приказ разобрать все эти деревянные дома к чертовой матери, чтобы не было пожаров. Такой восторг был ломать эти дома, замечательно! И очень интересно было разбирать эти... кроме дров, всякий хлам там был в этих дровяных сараях. И вот мы раскопки делали в этих дровяных сараях. Вместо этих домов была сделана щель, эти все бревна, которые от этих домов, мы накаты сделали. В щели эти мы не ходили, ходили в подвал. Один раз я ходил и прошел в метро от Парка культуры до Кропоткинской, до Дворца Советов, тогда был Дворец Советов, остановка так называлась, потому что все лежали в туннеле, лежали все и не было места лежать. Мы искали место и шли, шли и дошли, но мне очень не понравилось, потом там запускали вечером и кончилась тревога или не кончилась, выпускали только утром, в 6 часов утра. На мазутом пропитанных камнях, мне не очень понравилось.

Ну вот, мама нас спрятала за город, мы прожили, потом — дело пахнет керосином, похоже, что лучше нас не устроить. Папа говорит, что надо уезжать, а куда уезжать? Папино учреждение не эвакуируют, а мама в это время ушла с работы, значит, ее не эвакуируют. А была такая вещь эвакуировка: выдавалась справка, что такой-то человек эвакуируется со своим учреждением туда-то, куда эвакуируется это учреждение, у нас такой справки не было. Папа попросил, ну у него в Первом мединституте, как раз эвакуировали клиники, куда я сейчас ходил. Папа говорит: «Возьмите моих» — «Ну конечно, возьму, Георгий Валерьянович, давайте». И мы с мамой и сестрой, погрузили нас в теплушку, я-то думал, что меня повезут, как в детских книжках написано, в купе, а тут положили меня наверх. И, значит, нас довели до Ярославля, в Ярославле рассвет, спать хочется, ничего не понятно, нас выгрузили. И еще одно семейство с нами тоже медицинское, мы скооперировались вместе. Выгрузили нас, говорят: «Дальше надо плыть по Волге на барже». Волги нет, тут железнодорожные пути! В общем, там была дочка, мать и домработница, пошли где-то договорились, какая-то телега, на эту телегу положили все вещи и поехали к Волге. Это было замечательно, приехали к Волге, уже светло, утро такое! И вот большущий такой песчаный пляж, и весь пляж покрыт кучами вещей, весь пляж — это люди сидят на этих вещах, это приехавшие, которые дальше поплывут. И там стоит такой дебаркадер, настил к нему дощатый, и говорят, «подойдет баржа». А мама считала, что мы должны пробраться до Казани, а в Казани в Мединституте папин однокурсник, не то кафедрал, не то заведовал кафедрой, не то профессор, просто читал, в общем, что Лев Михайлович, как-нибудь маму устроит на работу. Вот подошла баржа, и все кинулись, это же было сногшибательное столпотворение, все эти горы вещей, и люди как тараканы. Все кинулись на этот дощатый переход. Но как я понял, и хорошо мама поняла, лучше не бежать туда, потом подошла вторая баржа, уже поменьше, мы загрузились в эту баржу. Первая баржа была с буксиром, а эта железная самоходная баржа, на которой, как потом объяснили, какое-то масло возили, но, надо сказать, на этой барже было три тысячи человек.

Д.С.: Три тысячи?

Г.Д.: Да, и было четыре уборных на корме. Нам эти уборные были ни к чему, но взрослые должны были утром занимать очередь, как мы, чем питались. И это все плыло с невероятно маленькой скоростью, по моему, просто почти в дрейфе.

Д.С.: На самокате (*смеются*).

Г.Д.: Правда, было очень неприятно, в трюмах сидели люди, и палуба вся была людьми занята, но трюмы были очень большие, вход туда — большой люк, можно было стрелой туда грузить. А когда к Горькому мы подплыли, то объявили воздушную тревогу, и с палубы всех людей загнали в трюмы и закрыли люки железными секциями.

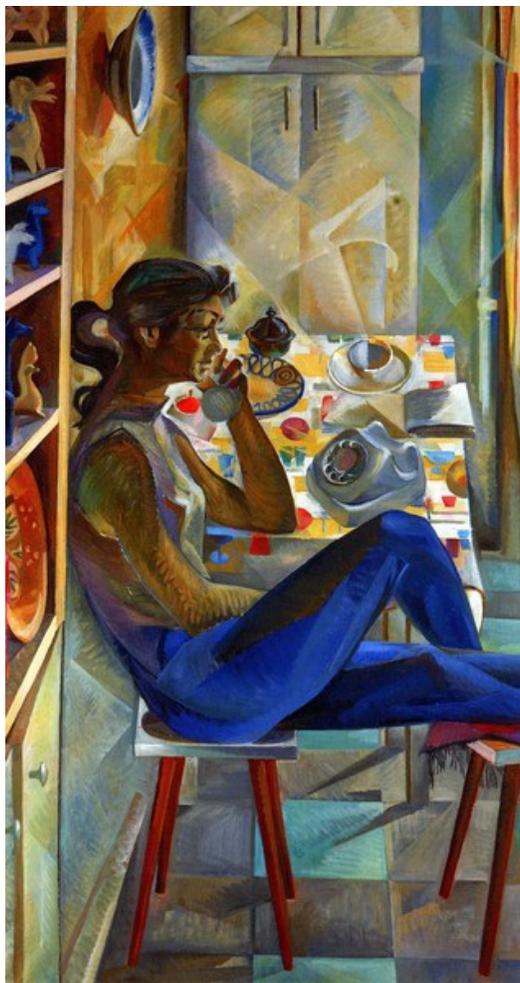
Д.С.: Это чтобы смерть была быстрой и безболезненной (*смеются*).

Г.Д.: Темнота полнейшая, духота и какое-то мерное покачивание. И непонятно, не то нас к берегу притулили, не то мы плывем. Но через некоторое время, правда, объявили, что кончилась воздушная тревога, открыли, все вздохнули.

Вот мы приехали в Казань, в Казани мы жили неделю, не меньше, из-за того что нет эвакусправки, невозможно устроиться на работу. Тогда мама сказала, что надо ехать в Свердловск, потому что еще из Курска, была там провизор, она главный провизор в аптеке инфекционной больницы областной в Свердловске, мы поедem, и Юленька как-нибудь нас устроит. Мы сели на колесный корабль и поплыли в Молотов, а от Молотова на поезде доехали до Свердловска. В Молотове мы жили на улице, на вокзале, я впервые узнал в Молотове (почему-то была Первая польская армия на вокзале в Молотове), я впервые узнал, что такое конфедератка, четырехугольная кепка, головной убор с четырьмя углами. Я у мамы спрашиваю: «Что это все в четырехугольных кепках?» Мама говорит, что это поляки, это ведь потом Первая польская армия ушла воевать в Африку с немцами. Было три польских, по-моему три, точно не знаю, две было точно, но по-моему, три армии. Первая армия ушла, их экипировали союзники. Черчилль Сталину написал, что у вас много польских военнопленных, они согласны воевать на стороне союзников против немцев, значит, вот, нельзя ли нам организовать такую польскую армию? А поляки сказали, что хотят воевать с немцами и за Польшу воевать, но не на территории Советского Союза. И тогда было согласие, что через Среднюю Азию их перекинули, и они воевали в Африке, хорошо воевали, это была Первая армия. Потом была армия, которая была организована, когда мы дошли до польской границы, наступая. И она существовала до польского, варшавского восстания. Тогда генералов польских уже не осталось, был не Бергман, а польский полковник, черт, забыл, ну вспомню. Его сняли, потому что... В Варшаве, мы стояли в Праге, а немцы были в Варшаве, и когда мы туда пришли в Прагу, заняли Прагу, то мы остановились стали копить силы. А польская армия без приказа переправилась и захватила плацдармы на той стороне, и считали, что мы воспользовались этим и наладим переправу (а это, в общем, ерундовое дело), и перейдем на Варшаву. А мы не наладили переправу, и в тот же день его сняли, как же его... на «Б».

Д.С.: Я не знаю, но это неважно.

Г.Д.: Его сняли, и мы ждали пока немцы... Но поляки, там интрига, конечно, была тонкая. Мы хотели армию Краева руками немцев уничтожить, иначе пришлось бы нам. Она была в Англии, было польское правительство, и армия Краева была организована. Она была подпольная, но она была вооружена союзниками, и, конечно, таким образом нам это было бы очень невыгодно, сложно было бы, но политика — вещь грязная, так оно и было. Мы хотели, чтобы это восстание подавили немцы, уничтожили и потерь наших не было бы, и организовали правительство польское и перешли. Ну вот, это отступление. А дело в том, что я узнал что такое поляки, что такое конфедератки, и мы попали в Свердловск. А на вокзале в Молотове мы увидели место свободное, можно вещи положить, а оказалось, что место это свободное потому, что направо и налево была мужская и женская уборная (*смеется*). И между этими входами неделю прожили, и тогда расстались мы с этим семейством, не помню почему, и мы поехали в Свердловск. В Свердловске тоже жили не меньше недели, и тоже мама не могла там устроиться на работу. И там она встретила какую-то врачиху, которая сказала, а нет... это Юля-провизор сказала: «Вот у меня хорошая знакомая главный врач в городе Кыштым». Кыштым — это знаменитый город, где потом сделали первую атомную... эту самую, где и Тимофеев-Ресовский — все работали. А муж ее — главный лесничий, а она — главный врач. И мы поехали в город Кыштым, и мама там пыталась устроиться и даже в городе Кыштыме...



Г.Г. Дервиз. Алла. Разговор по телефону. 1975 год

Д.С.: Подождите, это 1942 год уже?

Г.Д.: Нет, это еще 1941 год.

Д.С.: А вы рассказываете со слов отца, про бегство 16—17 октября?

Г.Д.: Это со слов отца.

Д.С.: А вы в это время были в скитаниях где-то?

Г.Д.: Да, в скитаниях, по дороге, в общем, два с чем-то мы ехали, до [места], где мы смогли устроиться. Новый год мы справляли на озере, в одиночестве, потому что папа, приехав в Свердловск, сначала не мог к нам выбраться, а мы...

Д.С.: А он знал, где вы?

Г.Д.: Да, конечно, знал, мы писали письма.

Д.С.: Ну, столько таких историй, что встретились только после войны, вот так разъехались и все.

Г.Д.: Да, военная цензура! Были просмотрены военной цензурой конверты или открытки. Папа приехал, была ранняя весна, наверное, был март, еще были сильные морозы. А почему-то раненых привозили всегда ночью, то ли это считалось секретным, но почему-то порция раненых приезжала ночью.

И мы уезжали ночью, но по дороге рассвело, и было очень хорошо ехать на лошади, а когда приехали в Свердловск — это была первая суровая зима.

Д.С.: Ну, она вообще очень холодная была.

Г.Д.: Суровая, жрать нечего было, черт знает что ели, где-то доставали. Тогда ведь мало железных самолетов было, были деревянные самолеты, и их клеили казеиновым клеем, а казеин — это...

Д.С.: Крахмал.

Г.Д.: Папа говорил, это творог, только не надо прибавлять нашатырный спирт. И казеином питались, надо было замочить заранее, он разбухал, потом варить. Летом уже дали землю...

Д.С.: Сажать?

Г.Д.: Пустырь был около больницы, болото было, потом посадили, на этом пустыре дали землю, ну и мы посадили огород. Тыквы были прекрасные, золотую кашу варили сладкую, это было роскошно уже. А вот первая зима... Потом летом дали делянки, и мы с папой ездили, пилили дрова и привезли уже по санному пути (это 1942 год), мы привезли дрова. Но это уже правда была солидная штука, потому что они были почти двухметровые — поленья которые. Мы с сестрой потом пилили, я колол, но это была уже вторая зима, и она была немного подготовлена, а первая зима была очень голодная, холодная и суровая.

Д.С.: А охотиться, не охотились?

Г.Д.: Где?



Г.Г. Дервиз. Живая ветка. 1985 год

Д.С.: Ну в этом, Чегем или как это называется?

Г.Д.: На Увельдах я зайцев пытался ловить.

Д.С.: Ну, получалось?

Г.Д.: У меня не получалось. Шкуру я сдирал с зайцев, которых товарищ ловил. А потом, в 1943-м, когда стали в Москву пускать (до этого не пускали), но все равно нужен был пропуск, билет нельзя было купить, если у тебя нет пропуска. В 1943-м я приехал в Москву.

Возвращение в Москву

Д.С.: Ну вы все или вы один?

Г.Д.: Я с мамой, с сестрой, папа раньше приехал. Он считался в командировке длительной, пока там все наладилось, а бабушка жила здесь, пережила все, глухая. А в 1943-м я уже Юрку Злотникова узнал, потому что мы встретились, поступив в художественную школу. Я шучу всегда, что благодаря этому стал художником. Я, конечно, до войны уже в Доме пионеров ходил в студию. А когда мы приехали, и встал вопрос куда, ну, в школу надо поступать, и так я отстал на один год, то... мама узнала. А еще до войны мне сказали в студии, что надо поступать в художественную школу, а мама сказала: «Нет, пусть кончает

самую нормальную школу, а никаких талантливых этих!» *(Смеется)*.

Д.С.: Ну, мама вас старалась удержать. *(Смеются)*.

Г.Д.: Мама старалась, чтобы не высовываться. Самое главное — не высовываться, потому что вот этот Юра Потехин, сменовеховец, он погиб так. Дважды его арестовывали, была целая политическая штука. Мама узнала, что в этой школе давали рабочую карточку первой категории, это 800 грамм хлеба, да еще обеденную карточку. Мама сказала, что самое главное, как можно больше есть и быть здоровым, а остальное все приложится, наверстается. И я подал заявление в эту школу, и экзамены выдержал все. Действительно, 800 грамм хлеба было, у папы тоже 800 грамм хлеба (первая категория), у мамы — 600 грамм хлеба, а у Тани — 400 грамм хлеба.

Д.С.: Но это уже иждивенческая карта — 400 грамм?

Г.Д.: Ну, иждивенческая и школьная — 400. Так вот, потом я в этой школе учился, хорошая школа была, надо сказать. Теперь эта школа плохая, но ничего, совсем другое. Мы дружили школой, а теперь дружат родителями.

Д.С.: Понятно.

Г.Д.: Понимаете, у нас в классе был человек по фамилии Бушин. У него не было переднего зуба, маленький такой заморыш, хулиган такой, беспризорник, он все лето ходил (и весной, как тепло), он ходил босиком, и мы его прикрывали в метро. Тогда же были бабушки, которые рвали билеты, ты проходил, давал билет, она отрывала, босиком не пускали, вообще. В советской власти за границу хромых не пускали, босиком нельзя в метро, вдруг кто-то увидит, что босиком, у нас нет босяков. Но мы его всегда прикрывали, и этого Бушина бабушки не замечали. Дружно очень жили, и тем не менее, вот интересно, ходил босиком. Мы с ним готовили медовую акварель. Значит, мы размачивали сухую акварель, готовили из сахара такую ...

Д.С.: Патоку.

Г.Д.: ... разбавляли сладкое, тогда получалась акварель полужидкая. Ходили в Нескучный сад писать этюды. Пацаны вообще очень интересно жили, вот такие Вам рассказы.

Д.С.: Ну, здорово! Мы должны уже заканчивать, наверное, да?

Г.Д.: Да, я придумаю, что вам еще что-то...*(смеется)*

Д.С.: *(смеется)* Нет, замечательно, абсолютно замечательно!